

ДИАЛОГ ЛИНГВИСТИКИ И ПОЭТИЧЕСКОГО АВАНГАРДА В РОССИИ В 1920—1930-е ГОДЫ: ЭКСПЕРИМЕНТЫ С УНИВЕРСАЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ

О. В. Соколова

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 07.06.2022 г.
Принята к публикации 31.01.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-1

В статье рассматриваются концепции «универсального языка», распространенные в лингвистике и поэтическом авангарде в послереволюционной России. В 1920–1930-х годах социально-политические реформы породили новые реалии и понятия, а установка на строительство алфавитов для безалфавитных народов в дальнейшей перспективе осмыслялась как база для создания языка мировой революции. Эти причины легли в основу не только обновления языковой политики, но и проектирования мировых языков лингвистами и поэтами. В эти годы получает развитие интерлингвистика (формируются общества по изучению таких международных языков, как эсперанто, ido, интерлингва, новиаль и др.), ученые занимаются лингвоконструированием (Я.И. Линцбах, В.Е. Чешихин, В.К. Петрашевич, В.Ф. Шмурло, Н.В. Юшманова и др.), систематизацией и типологией мировых языков (Э.К. Дрезен и др.). Кроме того, в связи с ориентацией на перспективу создания языка мировой революции в качестве первых подходов к нему осмыслились алфавиты на латинской основе (Е.Д. Поливанов и др.). Среди авангардистских концепций особый интерес представляет «космический язык АО» братьев Гординых, развивающий традицию Хлебникова, но идущий дальше в своей интенции на когнитивные и лингвосоциальные изменения. Он должен был стать одновременно техникой для трансформации революционного социума и моделью новой «пананархической» коммуникации. В статье сопоставляются научные и поэтические универсальные языки и делается вывод об общности установки на лингвистический эксперимент в 1920–1930-х годах.

Ключевые слова: универсальный язык, интерлингвистика, языковое творчество, поэтический авангард, Я.И. Линцбах, братья Гордины

1. Тенденция к языковой «универсализации»

Стремление преодолеть Вавилонское смешение языков и возродить *lingua humana*, первый язык человечества, во все века стимулировало разработку проектов «универсального» языка: от философских концепций, направленных на создание «идеального» языка, изоморфного логическим и математическим системам, до эмпирических систем, ориен-

тированных на преодоление межнационального непонимания, упрощение языка и создание унифицированной системы общения. Как писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, обосновывая свою позицию по отношению к международному языку, «благодаря тоске по языковому единству создавалась легенда о Вавилонском столпотворении; ибо многоязычие считалось бедствием, считалось божеским наказанием за человеческую гордость и высокомерие» (Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 158).

В основе концепции «международного», или «интернационального», языка, способного служить средством общения разноязычных народов, лежит теория лингвопроектирования, которая возникла в эпоху Просвещения и была заложена в работах М. Мерсенна, Р. Декарта, Г. В. Лейбница и др. Интерес к созданию нового средства межнациональной коммуникации был связан с утратой латинским языком международных функций. Именно тогда получает научное обоснование теория «всеобщего», «универсального» языка.

В известном письме Р. Декарта, написанном в ответ на план М. Мерсенна по созданию «универсального» языка (1629)¹, философ поддерживает эту идею, но предлагает другие основания организации такого языка. Основным принципом проекта М. Мерсенна было непосредственное выражение значения языковыми единицами, в связи с чем он подчеркивал роль звукоподражательных элементов (Nöth, 1995, р. 271). Р. Декарт развил другую концепцию: он исходил из аксиомы о «врожденных идеях» (*innate ideas*), то есть априорности рационального знания по отношению к эмпирическому опыту, предлагая теорию значения, в которой *смысл* (концепции) доминирует над *референцией* (вещами): «Изобретение этого языка зависит от истинной философии. Только она сможет перечислить все мысли — идеи людей — и расположить их в стройном порядке, делая одновременно их ясными и простыми» (цит. по: Дрезен, 1928, с. 42). Философ предлагает «логическую» организацию словаря как списка простых понятий с эквивалентами на разных языках, которые станут основанием для толкования любых более сложных единиц.

Важно отметить, что в своих рассуждениях о структуре значения Декарт предвосхитил ключевые положения семиотики (Nöth, 1995, р. 21), а обращение к природе человеческого воображения и концептуализации «внешних» предметов сближает их с когнитивной лингвистикой и когнитивной психологией. На современном этапе развития лингвистического знания еще одним подходом, который может быть рассмотрен с точки зрения раскрытия новых механизмов универсального языка, является изучение подобия между системами передачи генетической и вербальной информации. Этот подход был заложен в работе Р. О. Якобсона (Jakobson, 1970, р. 437) и получил развитие в исследованиях С. Т. Золяна, в которых процессы обработки генетической инфор-

¹ См. подробнее о письме Мерсенна к Декарту с приложением брошюры Г. Гуго, в которой излагался проект искусственного языка (1617), а также об ответном письме Декарта от 20 ноября 1629 года где были сформулированы концепция и основные положения проектирования искусственных языков, в: (Дрезен, 1928, с. 42–43; Барулин, 2002).

мации рассматриваются как форма коммуникации, геном — как гипертекст, текст — как «квазиорганизм, обладающий памятью, креативно-когнитивными характеристиками и коммуникативным потенциалом, а клетка (ее рибосома) — как обладающая квазиинтеллектом и способностью оперировать абстрактными семиотическими последовательностями» (Золян, 2016, с. 114). Такая семиотическая корреляция между языковой системой и генетическим кодом может быть осмыслена в русле преодоления разграничения универсальных языков на *априорные* и *апостериорные*, с одной стороны; и *философские (логические)*, в которых доминирует когнитивная функция, а целью является создание идеальной семиотической системы, и *эмпирические*, в которых доминирует коммуникативная функция и которые служат адекватным средством международного общения, — с другой.

Отмеченная выше концепция логического языка Р. Декарта была схожа с идеей словаря Г. В. Лейбница, который разрабатывал идею универсального философского языка, отличного от других существующих проектов того времени. В труде «Об искусстве комбинаторики» (*“Disertatio de arte combinatoria”*, 1666) Лейбниц описал основанное на логическом принципе «универсальное письмо». Оно представляло собой сведение понятий к простым составляющим, которые выражены знаками по принципу *“praedicatum inest subjecto”* («предикат содержится в субъекте»), когда субъект включает в себя все предикаты, которые могут быть ему приписаны в высказываниях. На основании этих знаков можно построить идеографический алфавит, который будет включать столько символов, сколько существует элементарных понятий или категорий.

Экономическая глобализация в конце XIX века порождает необходимость международного общения, в связи с чем наступает новый этап, ознаменованный переходом от теоретического проектирования искусственных языков к их практическому использованию. Тогда утверждается другой подход к реализации идеи универсального языка, связанный с его практическим применением как средства международного общения и способа избежать войны. Начиная с таких искусственных языков, как волапюк (1879), эсперанто (1887), идо (1907), новиаль (1928), интерлингва (1951), международные языки обретают социальный характер межнационального общения.

Областью лингвистики, цель которой состоит в построении оптимального искусственного международного языка и создании условий для его применения, является интерлингвистика (или космоглоттика²) (Ахманова, 1966). О. Есперсен, уделявший большое внимание проблеме мирового языка, обозначил в 1930 году рождение интерлингвистики как области языкознания, которая исследует строение и принципы организации всех языков с целью установления норм для создания искусственных международных вспомогательных языков (Jespersen, 1930–1931).

² Получила свое название от одного из первых плановых языков — волапюка (1879) И. М. Шлейера. *Volapük* означает «мировая речь» (*vol* ‘мир’, *pük* ‘язык’ от англ. *world* и *speak*). В переводе на нем. *Weltsprache*, либо, с использованием греческих корней, как *Kosmoglosse* (см. подробнее: Кузнецов, 2016).

2. Интерлингвистика в Советской России 1920–1930-х годов

В России в 1920-е годы революционные реформы и социально-культурные изменения породили новые реалии и понятия, а также потребовали обновления языковой политики. Тогда же распространяется «языковое строительство», основанное на идее социального и языкового равноправия, при формировании которого В. И. Ленин опирался на многоязычную швейцарскую модель: в 1920-е годы первые алфавиты для безалфавитных народов строились на основе латиницы. Более того, как отмечает В. М. Алпатов, частью проекта перехода на латинский алфавит было также изменение графики русского языка: «Если верить А. В. Луначарскому, В. И. Ленин считал, что впоследствии, “когда мы окрепнем”, необходимо будет дойти и до этого» (цит. по: Алпатов, 2017, с. 325). Перспектива такого изменения была связана с языковой функцией интернациональной коммуникации, необходимой на новом этапе, при переходе к «мировой революции».

Необходимость обновления языковой системы в связи с социальными реформами осознавалась как лингвистами (А. М. Селищевым, Е. Д. Поливановым и др.), так и поэтами-авангардистами (В. Хлебниковым, П. Митуричем, К. Малевичем, братьями Гордиными, А. Святогором и др.). Приведем здесь мнение лингвиста Е. Д. Поливанова³, который был знаком с футуристами и был одним из основателей ОПОЯЗа: «Словарь наиболее может отражать общественно-культурные сдвиги... Поэтому как раз в области словаря мы и имеем наиболее бесспорные результаты воздействия революции на язык» (Поливанов, 2003, с. 75). Он подчеркивал необходимость обновления словаря в революционный период: «Массовый спрос на новое словотворчество не только увеличил производство новых слов по старым рецептам словообразования, но и создал новый – революционный прием словотворчества» (Там же, с. 78).

В целом можно говорить о следующих научных тенденциях к изучению и созданию универсальных языков в постреволюционной России: развитие интерлингвистики, которая была направлена на исследо-

³ Е. Д. Поливанов также занимался поэтикой и был одним из основателей ОПОЯЗа и формальной школы. Он разрабатывал *Corpus poeticarum* («Свод поэтик»), посвященный сопоставлению структурных и функциональных свойств языков и литератур. Этому проекту не суждено было реализоваться, поскольку Е. Д. Поливанов был обвинен в троцкизме и расстрелян в 1938 году, однако сохранились некоторые его работы в этой области: «О метрическом характере китайского стихосложения» (Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию [1924]. М., 1968. С. 307–311); «Аббревиатура» (Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 1. С. 8–9), «Акцентуация» (Там же. С. 85–88); «Аллитерация» (Там же. С. 96–97); «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники» (Вопросы языкознания. 1963. №1. С. 99–112); «О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других “алтайских народностей”» (Проблемы восточного стихосложения. М., 1973. С. 100–106); «Рифмология Маяковского» [1921–1922] (Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1980. Т. 39, №2. С. 153–162) и др.

вание и регулирование международных искусственных языков (эсперанто, идо, новиаль и др.) в качестве средства мировой коммуникации (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Юшманов, П. Е. Стоян, Э. К. Дрезен и др.)⁴; ориентация на перспективу создания языка мировой революции, первыми подходами к которому были алфавиты на латинской основе (Е. Д. Поливанов и др.); признание «международного» статуса английского языка (Б. Арватов и др.).

Хотя в советском языкознании 1920–1940-х гг. большое значение приобрело «новое учение о языке», или яфетическая теория, Н. Я. Марра, в рамках которой был разработан «мировой аналитический алфавит», мы не будем, учитывая признанную в дальнейшем псевдонаучность марризма, подробно на нем останавливаться⁵.

Среди «интерлингвистов», которые занимались вопросом создания всемирного языка, были теоретики, классифицировавшие и популяризовавшие различные мировые языки, и те, кто занимался лингвоконструированием, разрабатывая собственные проекты. Среди представителей интерлингвистики в России необходимо назвать петроградские организации «Кружок говорящих на волапуке» (основан в 1889), «Эсперо» (1892), «Петроградский филиал Русского Всемирноязыкового Союза» (1923) и более представительное общество «Космоглот»⁶ (1916–1921, в 1921–1928 годах действовало в Таллине под названием «Космоглотт»), почетным президентом которого был И. А. Бодуэн де Куртенэ⁷, учредителем — В. К. Розенбергер, и куда входили не только лингвисты, но и представители других областей науки: П. Е. Стоян, Н. В. Юшманов, Я. И. Линцбах, Э. К. Дрезен, В. Ф. Шмурло, В. Е. Чешихин, Э. фон Валь и др. Ключевыми целями общества были исследование вопроса о международном языке, проведение идеи международного языка в жизнь и изучение искусственных и естественных языков (цит. по: Кузнецов, 2016, с. 118). Последний пункт, связанный с сопоставительным изучением всех искусственных и естественных языков, отличал «Космоглот» от других обществ, ориентированных на изучение и продвижение отдельных языков. Основные направления их исследования включали типологическое описание международных языков и лингвоконструирование, представлявшее широкий диапазон в связи с множеством типов мировых языков (проекты В. К. Розенберга, Я. И. Линцбаха, В. Е. Чешихина, В. К. Петрашевича, В. Ф. Шмурло и Н. В. Юшманова).

⁴ Изучение мировых языков получило государственную поддержку. В 1919 году при Наркомпросе была создана комиссия по проблеме международного языка, которая состояла из профессоров Московского университета Д. Н. Ушакова, В. К. Поржезинского и др.

⁵ См. об истории и заблуждениях марризма: (Алпатов, 1991).

⁶ Подробнее об истории и деятельности «Космоглота» см.: (Кузнецов, 2016).

⁷ О деятельности И. А. Бодуэна де Куртенэ в области интерлингвистики см. статью В. П. Григорьева «И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика» (Григорьев, 2006, с. 43–54). Основные работы И. А. Бодуэна де Куртенэ в этой области — «Об искусственном языке» (1905) и «Вспомогательный международный язык» (1908), где внимание уделено разграничению «искусственного» и «естественного» языка, а также введен термин «конструированный язык».

Рассмотрим подробнее проект эстонского лингвиста Я.И. Линцбаха, который разрабатывал «философский язык», критикуя эсперанто и волапюк за имитацию фонетической системы естественных языков и выдвигая в фокус графическую систему (принцип пазиграфии) (Линцбах, 1916). Поставив целью создать «идеальный» язык, Я.И. Линцбах достиг значительных результатов не столько в области интернациональной коммуникации, сколько в области семиотики⁸. Он сформировал подход для создания универсальной семиотической системы, основанной на передаче любых понятий с помощью разных медиаканалов. В функции разных носителей информации, согласно Я.И. Линцбаху, способны выступать геометрический чертеж, алгебраическая формула, музыкальная мелодия, игра телодвижений (пляска или ритмическая гимнастика), орнаменты и декорации (Там же, с. ix). Разработав такие основные принципы универсального языка, как сокращение, упрощение и упорядочивание, и выделив геометрические основания языка как набора «кратких выразительных схем» (Там же, с. 67), лингвист попытался создать универсальный мультимодальный набор семиотических ресурсов, способных конструировать коммуникативное событие, в том числе в области художественного (прежде всего, кино-) дискурса.

Одним из способов комбинирования разных семиотических ресурсов является «многопалое письмо», которое можно использовать для стенографии на специальных печатных машинках и в котором клавишам соответствуют не буквы, а различные органы и звуки речи, степень подъема языка и другие принципы артикуляции (рис. 1).

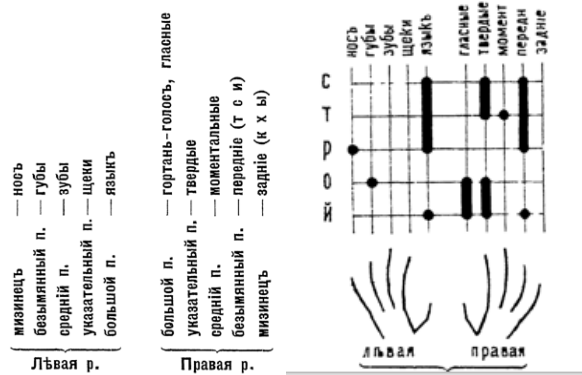

Рис. 1. «Многопалое письмо» Я.И. Линцбаха (Линцбах, 2016, с. 28)

⁸ Хотя его работы долгое время не были достойно оценены потомками-лингвистами, выдающиеся семиотики высоко их оценивали (Kristeva, 1971, p. 42; Eco, 1976, p. 31), а отдельные исследователи даже оспаривали роль Ф. де Соссюра для семиотики (см. интервью К. Кулля и Е. Вельмезовой с эстонским математиком и программистом Л. Выханду: Kull, Velmezova, 2017, p. 179), поскольку и «Курс общей лингвистики», и «Принципы философского языка» были опубликованы в 1916 году. Отметим, в частности, что Я.И. Линцбах параллельно с Ф. Соссюром выдвинул тезис о произвольности знака: «Слова здесь сами по себе не выражают ничего, а являются лишь условными знаками, значение которых должно быть известно» (Линцбах, 1916, с. 64).

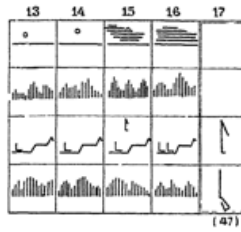

Ученый стремился свести разные формы выражения к бинарным оппозициям. Исходя из ограниченного количества математических знаков, красок на палитре художника и членораздельных звуков, которые различаются способом произнесения (глухие и звонкие, мягкие и твердые), Я. И. Линцбах делает вывод о том, что в искусстве и науке, математике и языке, пространстве и времени «цельное восприятие» складывается из выделения ограниченного числа элементарных элементов. При этом в основе логического, автоматического мышления лежит минимальное количество элементов, выраженное в виде бинарной оппозиции (Там же, с. 153–154). Он обозначает их как «знаки 2-го счисления», которые могут восприниматься разными способами (визуально, аудиально, тактильно и т.п.) и визуальное выражение которых может происходить с помощью нулей и единиц, белых и черных кружков. Среди других форм выражения выделяются ритмические телодвижения и позы, которые образуют «ручной язык» и при введении которых Линцбах ссылается на ритмическую гимнастику Ж. Далькроза (Там же, с. 165). Спектр движений человека он также сводит к двум элементарным жестам (поднятая и опущенная рука), а систему членораздельных звуков и тонов музыки доводит до двух звуков *a* и *o*, которые соответствуют знаку «один» и «ноль», что позволяет выстраивать ряд натуральных чисел (рис. 2). Подчеркнем, что «космический язык АО» авангардистов братьев Гординых также опирается на выделение двух базовых звуков (*a* и *o*), что говорит о взаимосвязи лингвистических и художественно-экспериментальных проектов в 1920–1930-е годы.

0	0	o
1	1	a
2	10	ao
3	11	aa
4	100	aoo
5	101	aoa
6	110	aa0
7	111	aaa
8	1000	aooo
9	1001	aooa
10	1010	aoao
11	1011	aoaa
12	1100	aaoo
13	1101	aa0a
14	1110	aaa0
15	1111	aaaa
16	10000	aoooo
17	10001	aoooa

Рис. 2. «Техника выражения знаков. Система членораздельной речи»
Я. И. Линцбаха (Линцбах, 2016, с. 155)

При этом настоящим всемирным языком Линцбах признавал кинематограф, определяя его как язык, понятный каждому, «грамматика которого растворена в прямом изображении» (Там же, с. 70) и который закладывается в основу идеографического письма (рис. 3).

(47). Когда осталась позади изба и не стало видно горы, до-
рога пошла лѣсомъ. **13**
 Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе,
онъ нагналъ человѣка, который попросилъ посадить его въ **14**
 сани. **15**
 Онъ посадилъ его, и они поѣхали вмѣстѣ. **16**
 Человѣкъ этотъ былъ охотникъ,—при немъ было ружье. **17**
 (Вторая вставка, —обведена линіей).

Рис. 3. Идеографическое изображение «четырёхмерного мира на плоскости»
 Я. И. Линцбаха (Линцбах, 2016, с. 83)

Ю. Кристева утверждает, что Линцбах не только предвидел формирование семиотики на базе лингвистики, но и предложил идею изоморфизма «семиотических практик с другими способами устройства нашего мира» (Kristeva, 1971, p. 39). Сформированную в работах Линцбаха всеобщую теорию символа Ю. Цивьян осмысляет как первую концепцию мультимодальности, поскольку в рамках этого подхода разрабатывается не только механизм кодирования, но и транскодирования информации (Tsivian, 1998). О междискурсивной природе этого универсального языка пишет С. Штретлинг, характеризуя его скорее как «язык искусства», чем как плановый язык международной коммуникации (Штретлинг, 2022).

Позже, в работе «Трансцендентная алгебра», Линцбах разработал «математическую идеографию», образец которой представлен на рис. 4 (i_1 — 'я', i_2 — 'ты', i_3 — 'он'), а также издал книгу «Универсальная математика и универсальный язык. Универсальная геометрия. Наглядное представление n-мерного пространства» (1950).

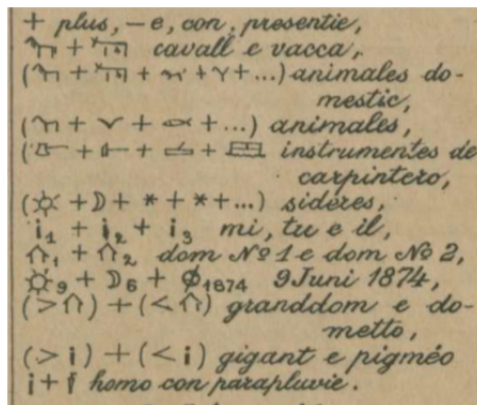

Рис. 4. «Математическая идеография» Я. И. Линцбаха (Linzbach, 1921, p. 3)

Проект Я. И. Линцбаха вызвал оживленную дискуссию среди современников⁹. Особенно большой резонанс получили идеи, связанные с универсальным киноязыком, в связи с публикацией фрагмента книги под названием «Кинематограф в роли языка» в журнале «Мир экрана» (1918). Как пишет Ю. Цивьян, эта трактовка блестяще подошла Дзиге Вертову и Сергею Эйзенштейну, каждый из которых по-своему пытался использовать фильм как «визуальный эсперанто» (Tsivian, 1998). Кроме того, идеи Линцбаха перекликались с уже существующими проектами «звездного языка» В. Хлебникова и «звездной азбуки» П. Митурича, с биомеханикой Вс. Мейерхольда, а также с алгебраическими вычислениями, лежащими в основе «цифрового» «космического языка» братьев Гординых (см. ниже).

Проекты других лингвистов, близких к «Космоглоту», носили апоптериторный характер и были ориентированы в первую очередь на создание упрощенной модели коммуникации, а не универсальной семиотической системы, объединяющей философский язык и язык искусства: «идиом-нейтраль» (“Idiom neutral” ‘нейтральный язык’) В. К. Розенбергера, «нэпо» (“Nepo” – ‘внук’ на эсперанто) В. Е. Чешихина (Чешихин, 1913), “Glott” В. К. Петрашевича (Pevich, 1917), «язык Ариадны» (“Esperido”, или “Ariadna lingvo”, Ariing) В. Ф. Шмурло (Дрезен, 1928, с. 209) и “Etem” Н. В. Юшманова (Юшманов, 1927). Многие из перечисленных языков (например, В. Е. Чешихина и Н. В. Юшманова) представляли собой проекты по усовершенствованию существующих международных языков (эсперанто, идо), а также были ориентированы на объединение европейских языков и культур: «Идеал междуязыка, точнее, ‘междуевропейского диалекта’ есть равнодействующая объединительных, упростибельных и усовершенствовательных стремлений языков европейской культуры, главным образом германских, романских и славянских» (Юшманов, 1927)¹⁰.

Отметим, что установка на создание «междуевропейского языка» пересекалась не столько с идеями русских и раннесоветских авангардистов, сколько с концепциями англо-американского авангарда. Концепция создания евроамериканского, «тигельного» языка была разработана Ю. Джоласом (мультилингвальным поэтом, редактором, переводчиком, а также другом Дж. Джойса), пыгавшимся осуществить проект создания языка международного литературного авангарда на страницах журнала “transition” (см. подробнее: Соколова, Фещенко, 2017).

С точки зрения типологии международных языков, значимый вклад сделал Э. К. Дрезен. В своей монографии «За всеобщим языком (Три века исканий)» (1928) ученый обозрел практически все существующие на тот момент теории универсального языка, в том числе и экспери-

⁹ П. Флоренский счел эту книгу «попыткой покуситься» на человеческий язык как высший дар (Флоренский, 1990, с. 187); в 1917 году профессор Московского университета лингвист В. К. Поржезинский выступил с докладом о книге Линцбаха.

¹⁰ Подробнее об интерлингвистических исследованиях Н. В. Юшманова см.: (Дуличенко, 2015).

ментально-художественные проекты русских поэтов (в общей сложности 373 проекта). Кроме того, особый интерес представляют его теоретические и практические разработки в области терминологии, которые можно соотнести с первым этапом проектирования международного языка.

Э.К. Дрезен был специалистом в области терминоведения, с 1913 года член комитета общества "Espero", позже его председатель, с 1921 года — руководитель Союза эсперантистов советских республик, с 1925 по 1936 год — генеральный секретарь Союза эсперантистов; в 1915 году был соучредителем общества «Космоглотт» и редактором отдельных номеров журнала «Международный язык»¹¹.

Среди широко круга интересов Э.К. Дрезена можно выделить два основных лингвистических направления, которые он развивал и у истоков которых стоял в России: интерлингвистика и терминоведение. В монографии «За всеобщим языком (Три века исканий)» представлена история создания всеобщего «рационального языка» (Дрезен, 1928, с. 35) и обзор различных «смешанных» проектов последнего времени (1907 — 1925). Среди них рассмотрены проекты упрощенного английского и немецкого языков, общеславянские и общескандинавские языки, а также так называемые «экспериментально-художественные» проекты: «сальвадор» сальвадорского поэта и драматурга Франциско Гавидья, «числовой язык АО» братьев Гординых и «звездный» язык Хлебникова под заголовком «Футуризм языка». Если идеи Гординых Дрезен отрицает уже за пананархические принципы их идеологии, то к языку Хлебникова относится более сочувственно, выделяя в качестве достоинства его фонетические основания. Это «язык, основанный на некоторых звуковых сочетаниях, передающих определенные сходные идеи каждому воспринимающему эти звуковые сочетания», который представляет интерес, поскольку «действительно, во многих языках однородные по своему значению слова и понятия передаются однородными звуковыми сочетаниями», хотя «отсюда еще весьма и весьма далеко до возможности выработки... всеобщего общепонятного языка» (Там же, с. 222 — 223).

Занимаясь актуальными проблемами стандартизации терминологии, Э.К. Дрезен «не только продемонстрировал исключительное знание вопросов терминологии, но и весьма солидно фундировал их идеологически» (Татаринов, 1993, с. 114). Уже в названии работы «Нормализация технического языка при капитализме и социализме» (1932), вышедшей как рецензия на немецкое издание книги Е. Вюстера "Internationale Sprachnormung in der Technik besonders in Elektrotechnik" (1931), строго лингвистический подход совмещается с идеологической установкой в виде пунктов «конкретной программы языковой политики в области техники». Однако обращение к проблеме терминологии было частью более общего интереса автора к международному языку, он ставит теоретический вопрос о соотношении явлений: «язык» — «национальный язык» — «технический язык». Вслед за Е. Вюстером

¹¹ О биографии Э.К. Дрезена и его терминологических разработках подробнее см.: (Татаринов, 1993).

Э.К. Дрезен актуализирует влияние социальных условий, в частности технического развития общества, на необходимость разработки специального, унифицированного и стандартизированного «технического языка».

По сути, такой язык является посредником между техникой как инструментом и человеком как субъектом. Э.К. Дрезен определяет «технический язык» как такой, который «используют инженеры и специалисты для выражения понятий и мыслей, относящихся к их специальным областям» (Дрезен, 1936, с. 231). В основе языкового нормирования лежала необходимость снятия омонимии и синонимии, избавление от функционально-содержательных ошибок, возникающих при переводе терминов, то есть различных неточностей и искажений; баланс между включением интернационализмов, обозначающих общие терминологические понятия в разных языках, и снятием терминологической псевдоинтернациональности. Принципы стандартизации репрезентативных возможностей языка, усложняющихся в связи с техническим прогрессом, предварили современные модели снятия морфологической и лексико-семантической омонимии в области компьютерной и корпусной лингвистики, а также получили развитие в изучении проблем перевода новых и многозначных терминов (см., напр.: Рунова, Фурменкова, Линевич, 2021).

Проект нормализации технического языка воспринимался самим Э.К. Дрезеном и как необходимый этап развития языка, соответствующий техническому прогрессу, и — в контексте интерлингвистических идей — как подготовительный этап к созданию международного языка.

Закладывая основы социолингвистического подхода к пониманию языка и подчеркивая значимость социального аспекта, Е.Д. Поливанов, с одной стороны, признавал значимость эсперанто (Поливанов, 2003, с. 55), а с другой — ориентировался на дальнейшую перспективу создания языка мирового общения, первыми подступами к которому было строительство алфавитов на латинской основе. Он называл такой алфавит «международным фонетическим алфавитом», характеризуя его выбор (например, якутами) как «смелый шаг в будущее, к латинскому, т.е. к наиболее интернациональному письму» (Там же, с. 85–86).

Кроме того, можно привести позицию Б. Арватова как представителя «ЛЕФа», который более радикально высказывался в отношении эсперанто. Его точка зрения была связана с критикой эсперанто как искусственной и «выдуманной системы», в противовес чему ставилась необходимость для языка быть не только средством международной коммуникации, но и частью культуры и идеологии (Арватов, 1930, с. 219). Вслед за лингва-франками предыдущих эпох (латынь, французский и др.), роль «международного языка пролетариата» Б. Арватов признавал за английским языком¹² как исторически близким европейским трудящимся, а также связывающим новые поколения с великой литературой и прогрессивной наукой (Там же, с. 223).

¹² О параллелях между проектами универсального языка в англо-американской художественно-экспериментальной и лингвистической традиции, в том числе о *Basic English* Ч. Огдена см.: (Соколова, Фещенко 2017).

Далее мы рассмотрим проекты мирового языка, которые проводились в поэтическом авангарде в 1920 – 1930-е годы.

3. Поиски «универсального» языка в русском поэтическом авангарде

Помимо социально-политических перемен и потребности в создании нового мирового языка, катализатором проектов универсального языка в авангардной литературе стал поиск нового художественного языка в условиях «кризиса языка»¹³, ознаменовавшего переход культуры от XIX к XX веку. «Кризис языка» привел к кризису мимесиса как искусства «подражания» действительности, к актуализации проблемы аутентичности художественного высказывания и к обновлению художественного языка.

Эти глобальные перемены повлияли и на проекты универсального языка в литературном авангарде. В целом конструирование мировых языков происходило параллельно в лингвистике и в поэтическом авангарде разных стран, авторы которого выдвигали различные концепции «очищения» языка от оков нормативного употребления и стремились к созданию нового, философско-поэтического языка. Среди поэтических подходов можно назвать «апофатический» язык Г. фон Гофмансталя («Письмо лорда Чандоса», 1902), возвращение к «истoku» немецкого языка (*Ursprung*) К. Крауса, проект “*lingua romana*” С. Георге (стихотворение “*Ursprünge*”, 1909), эксперименты А. Штрамма, концепции «языка будущего» Ф. Пессоа, «звездного языка» В. Хлебникова, «фонической музыки» А. Туфанова, международного заумного языка И. Терентьева, «космического языка» братьев Гординых, «райского языка» Х. Балля, мультилингвизма Дж. Джойса, «трансатлантического языка» Ю. Дзоласа и др.

Обращаясь к художественным экспериментам, отметим, что одной из наиболее структурированных и разработанных концепций стал «звездный язык» В. Хлебникова, который неоднократно становился предметом лингвистических исследований (Иванов, 2000, с. 342–398; Перцова, 2000; Григорьев, 2006; Соколова, 2015 и др.). Опираясь на теорию «языков-исчислений» Декарта и Лейбница¹⁴, которые были основаны на сведении всех сложных понятий и концепций к первичным, соответствующим «алфавиту человеческих мыслей» (*alphabetum cogitationum humanarum*, термин Лейбница), Хлебников разрабатывал свою «азбуку ума» (она же «азбука понятий», «звездная азбука»). Основные черты проекта Хлебникова – это, с одной стороны, неарбитrarность (неусловность) связи означающего и означаемого, а также приоритет зву-

¹³ Считается, что первым «кризис языка» сформулировал Гуго фон Гофмансталь в эссе «Письмо», или «Письмо Чендоса» (1902).

¹⁴ Поэт сам подчеркивал преемственность с теорией Лейбница, приводя восклицание философа: «Настанет время, когда люди вместо оскорбительных споров будут вычислять (воскликнут: *calculemus*)» (Хлебников, 2005, с. 108).

чания слова, что сближает его звездный язык с идеей Мерсенна; с другой — возможность «исчисления» значений, их комбинирования, поскольку, как писал Хлебников, «каждое имя есть только приближенное измерение, сравнение нескольких величин, какие-то знаки равенства» (Хлебников, 2005, с. 108). На семантизации согласных и выделении их как значимых единиц языка основаны проекты его азбуки и словарей. Например, «Словарь звездного языка (общего всей звезде, населенной людьми)» (1920), включающий помимо вербальных элементов математические символы, геометрические знаки и цветовые обозначения, подробно описанные в «Зангези» и в «Царапине по небу» (ср. с рассмотренным выше философским языком Я. И. Линцбаха).

Вслед за В. Хлебниковым цикл «Звездная азбука» создал художник П. Митурич, который попытался выразить единицы нового языка с помощью совмещения экспериментальных визуальных и пластических художественных элементов. После экспериментов Хлебникова заумный универсальный язык в 1924 году разрабатывал А. Туфанов, именовавший себя «Предземшара Зауми». Проект «фонической музыки» как нового языка, основной единицей которого были фонемы, или «звуковые жесты», строился на внимании к процессам архаизации и обновления, на совмещении исторических явлений языка, христианской глоссолатии и языкового эксперимента (Туфанов, 1924). Он акцентировал первичность когнитивной функции языка, что характерно для философских универсальных языков, хотя установка на межнациональную коммуникацию также была важна. Отказываясь от слов как «“ярлыков” на отношениях между вещами», отягченных «предметностью» значений, Туфанов выделял звук как основной материал литературного искусства и средство международной коммуникации. Именно звук, будучи «движением кинем и акусм», одновременно близок к природе, как музыкальный звук или жест (Там же, с. 8–9). Как и в целом для проектов универсального языка в поэтическом авангарде, для фонетического языка важна была перформативная действенность языкового знака: звук был призван *вызывать ощущения*, которыми он наделялся на стадии появления первых ономотопей и междометий.

Программное стихотворение Туфанова «Весна», написанное на «языке, понятном всем народам», состоит из «осколков» слов английского языка и зафиксировано транскрипционным письмом:

siin' soon	s'ii selle	soong s'e
siing s'eelf	siik signal'	s'eel' s'in'

(Там же, с. 12).

В основании «фонетической музыки» лежит многоэтапная трансформация процессов интерпретации, перцепции и когниции: «торможение» процессов восприятия должно привести к «воскрешению» звука. Это осуществляется уже на стадии рече- и звукопорождения за счет «психического сцепления с ощущением усиления преграды», которое подобно «своего рода “сошествию св. духа” (природы)» и равнозначно «дару говорить на всех языках» (Там же).

Другие проекты были предложены поэтами «Группы 41». И. Зданевич сформулировал понятие «жемчужной болезни языка», исцелить которую можно только через возвращение языка к «до-языковому» состоянию¹⁵. Один из заумных языков И. Зданевича — «Вивонный язык» — представляет интерес в связи не только с универсальными языками, но и с непосредственным взаимовлиянием поэтической революции языка и языка революции. И. Терентьев разрабатывал идею соединения поэтического авангарда и революции в мировом масштабе, в основе которой лежал международный заумный язык как выразитель беспредметности и нового социального строя. Эта лингвополитическая революционность выразилась в проекте перевода Маркса на заумный язык, что «заумь утвердило на осязаемом фундаменте марксизма» (из письма И. Терентьева к А. Крученых (23.12.1923), цит. по: (Марцадури, 1988)).

Рассмотрим подробнее менее изученную «концепцию космического языка АО» братьев Гординых.

4. «Космический язык» братьев Гординых

У истоков космического языка братьев Гординых¹⁶ стоят лингвистические проекты Хлебникова, среди которых был и «числовой язык». Хотя мы не обнаружили прямых упоминаний братьями Гордиными проекта Я. И. Линцбаха (это связано в том числе с тем, что большинство работ Гординых до сих пор не переиздано, а многие утрачены), однако уже само название их универсального языка («АО»), а также его математическая основа позволяют сделать предположение об их знакомстве с проектом Я. И. Линцбаха, а также подтверждают типологическую общность этих проектов. Расширенное название «языка АО» — «космический», «логический» и «панметодологический» язык. На этом языке сочетание АО буквально означает «изобретение» (Гордины, 1924, с. 5)¹⁷. Первые две редакции языка были созданы в 1919 и 1924 годах В. Л. Гординым, а в 1927 году язык был представлен на Первой Всемирной выставке межпланетных аппаратов и механизмов, где и получил название «космического» языка.

Кратко характеризуя основные особенности этого языка, отметим, что он относится к априорным, логическим языкам и организован по комбинаторному принципу. *Изобретение* становится ключевым понятием «языка АО», который формируется не только как средство коммуникации, но и как способ трансформации социума и действительности с помощью реорганизации языковой системы. Этот подход сходен с идеями философского языка Просвещения, однако в 1920-е годы, в си-

¹⁵ Подробнее см.: (Фещенко, Коваль, 2014, с. 290).

¹⁶ «Братья Гордины» — псевдоним Аббы Лейбовича Гордина (1887–1964) и Зеева Вольфа Лейбовича Гордина (1884 или 1885 или 1878 или 1879 — не ранее 1931). Братья родились в семье раввина, получили религиозное образование и овладели множеством языков (подробную биографию см.: (Геллер, 2019)).

¹⁷ Подробная история создания ими «космического языка» описана в ряде исследований: (Кузнецов, 2014; Кучинов, 2019).

туации конструирования новой общественной и политической системы, языковая инженерия обретает полноценный статус воздействия на сознание и социум. «Политический» статус универсального «языка АО» распространяется за пределы дискурсивной реализации (как язык политики или язык революции) или инструментальной функции (средство «космического» общения), выступая в роли лейбницевского *ars inveniendi* (искусство изобретения) новой реальности.

Важной для понимания природы космического языка является политическая программа Гординых, которую они вначале обозначили как *анархизм*, а потом — *пананархизм*. В их политических взглядах выражается радикальность планируемых реформ, которые должны реализоваться с помощью создания нового языка как средства универсальной межнациональной, а затем и межпланетарной коммуникации: «Пананархизм означает синтез (соединение) всех главных социальных идеалов, актов (действий) и устремлений к коренному перевороту и перестрою *всего общества*» (Гордины, 2019, с. 241).

Языковая концепция Гординых стала частью их более общей программы по обновлению и преобразованию человечества. При этом социально-антропологическое обновление было напрямую связано с инновациями в лексике и грамматике. Эти языковые новообразования характеризуют ключевые положения их пананархической и лингвocosмической теории. Они объявляют 1919 год началом новой эпохи и годом «изобретения Человечества», параллельно с языковым строительством заложившим основы нового быта, где общество будет организовано в форме «Социотехникума»¹⁸. При этом слово *техникум* понималось ими не в более позднем значении ‘учебное заведение’, но с этимологической точки зрения¹⁹ как «социальный техникум, обществостроительный техникум»; «социальная лаборатория», «институт социального эксперимента, усовершенствования и изобретения» (Там же, с. 236). Неологизм «социотехникум» включает такие основные компоненты значения, как творческое преобразование и строительство нового социума²⁰.

Другим важным для анализа языковой концепции Гординых понятием является *изобретательство*. Так, в выходных данных книги «Изобретение (как выход из всех тупиков и разрух и путь к бессмертию)» указано «Аоград», «2-й год по Изобретению Человечества» (1921), а на титульном листе размещен лозунг «Изобретатели всего земного шара, изобретайтесь!» Гордины создают целую парадигму слов с корнем *изобрет-* в области лингвистической терминологии, поскольку именно язык является тем орудием, благодаря которому возможна перестройка реальности. Так, в «Грамматике панметодологического языка АО» (1924)

¹⁸ Ср. с проектом «НОТ. Научная организация труда» А.К. Гастева.

¹⁹ «Техникум» от нем. *Technikum*, из лат. *technicus*, далее из др.-греч. *τεχνική* (буквально «искусная»), далее из *τέχνη* «искусство», из праи-е. **tek's-* «тесать, отделять».

²⁰ О технологическом измерении теории Гординых см.: (Кучинов, 2019).

грамматическая система приравнивается к классификации мира в разделе «ПЕРВАЯ или ГРАММАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МИРА», где приводятся следующие определения частей речи:

1. $X\%X20$ азацо – изобретение или глагол.
2. $+\%X20$ эзацо – наизобретение или наречие.
3. $0\%X20$ озацо – поизобретенное (или осуществленное) или существительное.

(Гордины, 1924, с. 6).

Среди всех частей речи авторы выделяют глагол в качестве основного носителя функции изобретательства. Глагол обозначается как « $X\%X20$ ИЗОБРЕТЕНИЕ или (по-старому) ГЛАГОЛ» и характеризуется как «главная и первая основа современной экономики и идеологии, техники и культуры... Не существительное, найденное готовым, доминирует над цивилизацией, а глагол, изобретение, олицетворенное в орудиях и машинах. Сам "глагол" потому уж больше не глагольствование, а изобретение АО» (Гордины, 1924, с. 5). Наибольшее количество лингвистических терминов-неологизмов связано с описанием форм глагола: *самоизобретательный изобрет или самоизобретательный глагол $\sqrt{12X}$; взаимоизобретательное изобретение или взаимоизобретательный глагол $\sqrt{121X}$; изобрет-приизобретательное или глагол-прилагательное $X\sqrt{\%}X20$ (причастие)* и т. д.

В определении глагола маркируется его перформативность, способность не только обладать свойством предикативности и выражать основные грамматические категории (вид, время, модальность, залог и др.), но и воздействовать на действительность. Грамматические свойства глагола экстраполируются на его свойства как инструмента трансформации и преобразования действительности. Гордины проводят параллель между этимологией глагола как *глагольствования* (из ст.-слав. слово, речь, калька с лат. *verbum*, греч. *rema*), то есть 'говорения' в общем значении, и его главной ролью в высказывании, что свидетельствует о его доминировании при перестройке действительности языковыми средствами. Существительное, оно же «поизобретенное, или осуществленное», стоит после глагола, и «оканчивается на 0, нулевую степень, нулевой предел изобретения, конец изобретения» (Там же, с. 15).

Отметим, что концепция Гординых коррелировала с передовыми лингвистическими идеями того времени о категории предикативности, ставшей основанием для разграничения слова и словосочетания как номинативных единиц от предложения как предикативной и коммуникативной единицы, в работах М. А. Пешковского и В. В. Виноградова. Такое выведение в фокус глагола сигнализирует о внимании авторов к лингвистическим концепциям. Посредством этой иерархической категоризации между предикацией и номинацией они приближаются к выражению связи между языком, человеком и действительностью. Эти свойства грамматических категорий проецируются в теории Гординых на категории эмпирические и онтологические, что приводит к формированию всеобщих связей между вербальным, социальным и антропо-

морфным измерениями. Доминирование предикации как категории изобретения и творения подчеркивает значимость носителя языка, человека в общей системе языка и онтологии.

5. Выводы

В 1920–1930-е годы в России сложилась плодотворная почва для языковых экспериментов в лингвистике и поэтическом авангарде. Это было связано со многими причинами: социально-политическими и культурными изменениями, программой ликбеза и строительства алфавитов для безалфавитных народов, установкой на равноправие всех языков и на международный статус алфавитов, которые изначально строились на основе латиницы, а также в связи с перспективой формирования языка мировой революции. Необходимость интернациональной коммуникации осознавалась и поддерживалась на государственном уровне: открывались различные общества по изучению международных языков, лингвисты совместно с учеными из других областей науки, а также поэты-авангардисты конструировали универсальные языки – например, идиом-нейтраль В.К. Розенбергера, «нэпо» В.Е. Чешихина, “Glōt” В.К. Петрашевича, «язык Ариадны» В.Ф. Шмурло, “Etem” Н.В. Юшманова и др. Лингвисты также занимались описанием и сопоставлением международных языков (к примеру, Э.К. Дрезен). Хотя эти проекты не получили прямой реализации, они повлияли на развитие таких дисциплин, как семиотика, машинный перевод, социолингвистика, терминоведение и когнитивная лингвистика.

Отдельного внимания заслуживают «авангардные» проекты универсального языка, которые также получили большое распространение в этот период. Опираясь на идеи Декарта и Лейбница, «звездный язык» В. Хлебникова и современные им лингвистические концепции, авангардисты разрабатывают свои проекты в 1920-е годы. Так, братья Гордины создают «космический язык АО», имеющий ряд общих черт с научными лингвистическими проектами: универсальные семиотические принципы, основанные на общности разных семиотических систем, поиск сходств между языком и алгеброй или геометрией, синтез вербальных и визуальных модусов. Однако их авангардный поэтический язык имеет и свои уникальные черты. Его важным прагматическим свойством оказывается перформативность, способность изменения словом не только действительности, но и сознания человека, и общественно-политического строя. Принципиальное отличие «поэтических» языков (Хлебникова, Туфанова, Гординых) от сконструированных международных языков (эсперанто, волапука и др.) заключается в том, что носитель языка получает не готовый «окаменевший» продукт, но динамичную систему, находящуюся в постоянном развитии. Интеракция представляет собой сложную систему взаимодействия не только между участниками диалога, но и между интерактантом и языком. Модель такой деавтоматизированной коммуникации будущего реализована «на практике» – в многоязычных авангардистских текстах. Здесь объединяются коммуникативная (единение человечества), когнитивная (преобразование сознания с помощью априорного языка) и социальная (преобразование общества) функции, а сам язык представляет собой не

просто инструмент для передачи информации, но механизм *ars inveniendi* ('искусство изобретения') для открытия новых понятий и связей между единицами.

При этом подчеркнем, что и среди лингвистических проектов можно выделить «философский» язык Я. И. Линцбах с его пониманием языка не как орудия коммуникации, а как универсальной семиотической мультимодальной системы, настроенной на транскодирование информации. Но этот проект выступает скорее исключением среди плановых языков, сближаясь с универсальными художественными языками.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

- Алпатов В. М. Марр. История одного мифа. М., 1991.
- Алпатов В. М. Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания. М., 2017.
- Арватов Б. Об агит- и прозискусстве. М., 1930.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. М., 2002. Ч. 2 : Знаки, знаковые системы, коммуникация.
- Бодуэн де Куртене И. А. Языковедение и язык: Исследования, замечания, программы лекций. М., 2010.
- Братья Гордины. Грамматика панметодологического языка АО. М., 1924.
- Братья Гордины. Анархия в мечте: Публикации 1917–1919 годов. М., 2019.
- Геллер Л. Анархизм, модернизм, авангард, революция. О братьях Гординых // Братья Гордины. Анархия в мечте: Публикации 1917–1919 годов. М., 2019. С. 341–419.
- Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958–2000-е годы. М., 2006.
- Дрезен Э. К. За всеобщим языком (Три века исканий). М.; Л., 1928.
- Дрезен Э. К. Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация. М., 1936.
- Дуличенко А. Д. Между африканистикой и космоглоитикой: к концепции всемирного языка Николая Владимировича Юшманова // Вопросы языкознания. 2015. №1. С. 118–132.
- Золян С. Т. Вновь о соотношенности языка и генетического кода // Вопросы языкознания. 2016. №1. С. 114–132.
- Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2 : Статьи о русской литературе.
- Кузнецов С. Н. *Linguistica cosmica*: рождение «космической парадигмы» // Современная наука. 2014. №2. С. 39–65.
- Кузнецов С. Н. Петроградское интерлингвистическое общество «Космоглот». К столетию основания (1916–2016) // Современная наука. 2016. №1. С. 111–152.
- Кучинов Е. В. От пананархизма к АОизму и АИИЗу: очерк истории и мифологии одного инопланетного племени // Этнографическое обозрение. 2019. №6. С. 34–48.
- Линцбах Я. И. Принципы философского языка. Опыт точного языкознания. Пг., 1916.
- Марцадури М. Игорь Терентьев — театральный режиссер // Терентьев И. Собр. соч. Bologna, 1988. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/terentiev-sobranie/terentiev-sobranie.html#s006> (дата обращения: 01.01.2023).

Перцова Н. Н. О «звездном языке» Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911–1998. М., 2000. С. 359–384.

Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание [1931]. Смоленск, 2003.

Рунова Н. В., Фурменкова Т. В., Линевиц Н. Ю. Перевод новой социологической терминологии: проблемы и решения // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №2. С. 95–109.

Соколова О. В. Концепции «вселенского» и «универсального» языка в русском и американском авангарде // Критика и семиотика. 2015. №1. С. 268–283.

Соколова О. В., Фещенко В. В. «Революция языка» Юджина Джоласа: от «вертикальной» поэзии к «вертигральной» коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2017. №4. 2017. С. 67–83.

Татаринев В. А. Из истории отечественного терминоведения: Эрнест Карлович Дрезен // Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 113–119.

Туфанов А. К зауми: Фоническая музыка и функции согласных фонем. Пб., 1924.

Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М., 2014.

Флоренский П. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2.

Хлебников В. В. Собрание сочинений : в 6 т. М., 2005. Т. 6, кн. 1 : Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Открытые письма. Выступления. 1904–1922.

Чешихин В. Е. Новые варианты эсперанто: нэпо и нэпослава. Русский ключ с параллельным текстом на нэпо. Рига, 1913.

Штретлинг С. Рука за работой. Поэтика рукотворности в русском авангарде. М., 2022.

Юшманов Н. В. Идо – идеал междуязыка // Интернационалист / Internacjonalisto. Уфа, 1927. №1. С. 3.

Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington, 1976.

Jakobson R. Linguistics (Chapter IV) // Main trends of research in the social and human sciences. P. ; The Hague, 1970. P. 419–466.

Jespersen O. A new science: interlinguistics // Psyche. 1930–1931. Vol. 11. P. 57–67.

Kristeva J. L'expansion de la sémiotique // Essays in semiotics. Essais de sémiotique / ed. by J. Kristeva, J. Rey-Debove, D.J. Umiker-Sebeok. The Hague, 1971. P. 31–45.

Kull K., Velmezova E. Leo Vöhandu: informaatika seostest semiootikaga // Acta Semiotica Estica. 2017. №14. P. 176–183.

Linzbach J. Transcendent algebra: Ideografie matematical, experiment de un lingue filosofic. Reval, 1921.

Nöth W. Handbook of Semiotics. Bloomington, 1995.

Pevich V. [Петрашевич В. К.] Основы международного языка “Glot”. Петроград, 1917.

Tsivian Yu. Jacob Lintsbach as film semiotician // Elementa. 1998. №4. P. 121–129.

Об авторе

Ольга Викторовна Соколова, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

Для цитирования:

Соколова О. В. Диалог лингвистики и поэтического авангарда в России в 1920–1930-е годы: эксперименты с универсальным языком // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №2. С. 8–29. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-1.

THE DIALOGUE BETWEEN LINGUISTICS
AND THE POETIC AVANT-GARDE
IN RUSSIA IN THE 1920 – 1930s:
EXPERIMENTS WITH A UNIVERSAL LANGUAGE

O. V. Sokolova

Institute of Linguistics RAS

1 – 1 Bol. Kislovsky per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on June 07, 2022

Accepted on January 31, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-1

The article explores the concept of a 'universal language', which was prevalent in both linguistics and the poetic Avant-garde in Russia during the 1910s-1920s. This period was marked by socio-political reforms that led to new realities and concepts. As a result, societies studying international languages, such as Esperanto, Ido, Interlingua, and Novial, were formed, and many scholars including Jakob Linzbach, Nikolay Yushmanov, and Evgeny Shmurlo attempted to create new international languages while systematizing and building a typology of universal languages. Of particular interest among the Avant-garde concepts is the 'cosmic language of AO' by the Gordin brothers, which builds on Khlebnikov's 'star language tradition but aims for cognitive and linguo-social changes. The article compares the scientific and poetic universal languages and concludes that there is a pervasive tendency towards linguistic experimentation.

Keywords: universal language, interlinguistics, linguistic creativity, poetic avant-garde, Jakob Linzbach, Gordin brothers

References

- Akhmanova, O.S., 1966. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow (in Russ.).
- Alpatov, V.M., 1991. *Marr. Istoriya odnogo mifa* [Marr. History of a myth]. Moscow (in Russ.).
- Alpatov, V.M., 2017. *Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniiya* [Japanese studies. Theory of language. Sociolinguistics. History of linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Arvatov, B., 1930. *Ob agit- i proziskusstve* [About agitation and prose art]. Moscow (in Russ.).
- Barulin, A.N., 2002. *Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya. Ch. 2: Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya*. [Foundations of semiotics. Signs, sign systems, communication. Part 2. Signs, sign systems, communication]. Moscow (in Russ.).
- Baudouin de Courtenay, J.N., 2010. *Yazykovedenie i yazyk: Issledovaniya, zamechaniya, programmy lektsii* [Linguistics and Language: Studies, remarks, lecture programs]. Moscow (in Russ.).
- Brat'ya Gordiny, 1924. *Grammatika panmetodologicheskogo yazyka AO* [Grammar of the panmethodological language of AO]. Moscow (in Russ.).
- Brat'ya Gordiny, 2019. *Anarkhiya v mechte: Publikatsii 1917 – 1919 godov* [Anarchy in the Dream: Publications 1917 – 1919]. Moscow (in Russ.).
- Cheshikhin, V.E., 1913. *Novye varianty esperanto: nepo i neposlava. Russkii klyuch s parallel'nym tekstom na nepo* [New versions of the esperanto: nepo and neposlava. Russian key with parallel text in nepo]. Riga (in Russ.).

Drezen, E. K., 1928. *Za vseobshchim yazykom (Tri veka iskanii)* [Behind the universal language (Three centuries of searching)]. Moscow (in Russ.).

Drezen, E. K., 1936. *Nauchno-tekhnicheskie terminy i oboznacheniya i ikh standartizatsiya* [Scientific and technical terms and designations and their standardization]. Moscow (in Russ.).

Duličenko, A. D., 2015. Between africanistics and cosmoglottics: on the concept of universal language as conceived by Nikolai Vladimirovich Yushmanov. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1. pp. 118 – 132 (in Russ.).

Eco, U. A., 1976. *Theory of Semiotics*. Bloomington. Indiana University Press.

Feshchenko, V. V. and Koval', O. V., 2014. *Sotvorenie znaka. Oчерki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [Creation of a sign. Essays on linguistic aesthetics and semiotics of art]. Moscow (in Russ.).

Florensky, P., 1990. *U vodorazdelov mysli* [At the watersheds of thought], Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Geller, L. 2019. Anarchism, modernism, avant-garde, revolution. About Gordin brothers. In: Brat'ya Gordiny, eds. *Anarkhiya v mechte: Publikatsii 1917–1919 godov* [Gordin brothers. Anarchy in the Dream: Publications 1917–1919]. Moscow, pp. 341 – 419 (in Russ.).

Grigor'ev, V. P., 2006. *Velimir Khlebnikov v chetyrekhmernom prostranstve yazyka. Izbrannye raboty. 1958–2000-e gody* [Velimir Khlebnikov in the four-dimensional space of language. Selected works of the 1958–2000s]. Moscow (in Russ.).

Ivanov, Vyach. Vs., 2000. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 2. Stat'i o russkoi literature* [Selected works on semiotics and cultural history. Vol 2: Articles on Russian Literature]. Moscow (in Russ.).

Jakobson, R., 1970. Linguistics (Chapter IV). In: *Main trends of research in the social and human sciences*. Paris, The Hague: Mouton, pp. 419 – 466.

Jespersen, O., 1930–1931. A new science: interlinguistics. *Psyche*. Vol. 11, pp. 57 – 67.

Khlebnikov, V. V., 2005. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6, kn. 1: Stat'i (nabroski). Uchenye trudy. Vozzvaniya. Otkrytye pis'ma. Vystupleniya. 1904–1922* [Collected works: in 6 vols. Vol. 6, book 1: Articles (sketches). Scientific works. Proclamations. Open letters. Performances. 1904–1922]. Moscow (in Russ.).

Kristeva, J., 1971. L'expansion de la sémiotique. In: J. Kristeva, J. Rey-Debove and D.J. Umiker-Sebeok, eds. *Essays in semiotics. Essais de sémiotique*. The Hague: Mouton, pp. 31 – 45.

Kuchinov, E. V., 2019. From Pan-Anarchism to AOism and AIIZ'm: An Essay in the History and Mythology of an Alien Tribe. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 6, pp. 34 – 48 (in Russ.).

Kull, K. and Velmezova, E., 2017. Leo Vöhandu: informaatika seostest semiootikaga. *Acta Semiotica Estica*, 14, pp. 176 – 183.

Kuznetsov, S. N., 2014. Linguistica cosmica: the birth of the “cosmic paradigm”. *Sovremennaya nauka* [Modern Science], 2, pp. 39 – 65 (in Russ.).

Kuznetsov, S. N., 2016. The centenary (1916–2016) of Petrograd interlinguistics society Kosmoglot. *Sovremennaya nauka* [Modern Science], 1, pp. 111 – 152 (in Russ.).

Linzbach, J., 1916. *Printsipy filosofskogo yazyka. Opyt tochnogo yazykoznaniiya* [Principles of philosophical language. Experience of exact linguistics]. Petrograd (in Russ.).

Linzbach, J., 1921. *Transcendent algebra: Ideografie matematical, experiment de un linguae filosofic*. Reval (Estonia).

Martsaduri, M., 1988. Igor Terentyev – theater director. In: *Igor' Terent'ev. Sobranie sochineniy*. Bologna: S. Francesco. Available at: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/terentiev-sobranie/terentiev-sobranie.html#s006> [Accessed 1 January 2023] (in Russ.).

Nöth, W., 1995. *Handbook of Semiotics*. Bloomington.

Pertsova, N.N., 2000. About the “star language” of Velimir Khlebnikov. In: *Mir Velimira Khlebnikova. Stat'i i issledovaniya 1911 – 1998* [World of Velimir Khlebnikov. Articles and research 1911 – 1998]. Moscow, pp. 359 – 384 (in Russ.).

Pevich, V. [Petrashevich V.K.], 1917. *Osnovy mezhdunarodnogo yazyka “Glot”* [The foundations of the international language “Glot”]. Petrograd (in Russ.).

Polivanov, E.D., 2003. *Za marksistskoe yazykoznanie (1931)* [For Marxist Linguistics (1931)]. Smolensk (in Russ.).

Runova, N.V., Furmenkova, T.V. and Linevich, N. Yu., 2021. Translation of new sociological terminology: challenges and solutions. *Slovo. ru: baltic accent*, 12 (2), pp. 95 – 109, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-2-6> (in Russ.).

Sokolova, O.V. and Feshchenko, V.V., 2017. “The revolution of language” by Eugene Jolas: from “Vertical” Poetry to “Vertigral” Communication. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 4, pp. 67 – 83, <https://doi.org/10.17223/18137083/61/7> (in Russ.).

Sokolova, O.V., 2015. Conceptions of the “Global” and “Universal” Language in the Russian and American Avant-Garde. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 1, pp. 268 – 283 (in Russ.).

Strätling, S., 2022. *Ruka za rabotoi. Poetika rukotvornosti v russkom avangarde* [Hand at work. Poetics of man-made in the Russian avant-garde]. Moscow (in Russ.).

Tatarinov, V. A., 1993. From the history of Russian terminology: Ernest Karlovich Dzen. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, pp. 113 – 119 (in Russ.).

Tsvivan, Yu., 1998. Jacob Lintsbach as film semiotician. *Elementa*, 4, pp. 121 – 129.

Tufanov, A., 1924. *K zaumi: Fonicheskaya muzyka i funktsii soglasnykh fonem* [Towards zaum': Phonic music and functions of consonant phonemes]. St. Petersburg (in Russ.).

Yushmanov, N.V., 1927. Ido is the ideal of an interlanguage. *Internatsionalist / Internacionalisto*. Ufa, 1, p. 3 (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2016. Rethinking the correlations between language and genetic code. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 114 – 132 (in Russ.).

The author

Prof. Olga V. Sokolova, Senior researcher, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia.

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

To cite this article:

Sokolova, O.V., 2023, The dialogue between linguistics and the poetic avant-garde in Russia in the 1920–1930s: experiments with a universal language, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, No. 2, pp. 8–29. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-1.

